

Научная статья
УДК 94(450)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.24>

«Несуществующий рыцарь» Итало Кальвино и послевоенный европейский гуманизм

Александр Александрович Зайцев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, alex-q1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4104-8276>

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории европейской интеллектуальной культуры второй половины XX века. В центре внимания находится творческое наследие итальянского писателя и публициста Итало Кальвино (1923–1985), которое рассматривается как источник истории идей, доминировавших в европейской культуре после завершения Второй мировой войны. Предмет статьи – комплекс представлений, нашедших отражение в романе Кальвино «Несуществующий рыцарь» (1959). Автор реконструирует идейный контекст создания этой философской сказки, рассматривает контекст философской мысли, полемику вокруг экзистенциализма и его роли в послевоенной интеллектуальной культуре. Результатом исследования является анализ характера влияния марксистской и экзистенциалистской мысли, а также раскрытие комплекса философских, гуманистических и антифашистских идей, заложенных в романе. Уточняется характер гуманизма, свойственного Кальвино как представителю «военного поколения».

Ключевые слова: история интеллектуальной культуры, Италия, Итало Кальвино, литература, гуманизм, марксизм, экзистенциализм, фашизм, средневекизм

Для цитирования: Зайцев А.А. «Несуществующий рыцарь» Итало Кальвино и послевоенный европейский гуманизм // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 145–151. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.24>.

Original article

“The Nonexistent Knight” by Italo Calvino and the Postwar European Humanism

Alexander A. Zaitsev

Kazan Federal University, Kazan, Russia, alex-q1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4104-8276>

Abstract. The article is devoted to the history of European intellectual culture of the second half of the XX century. At the core is the creative legacy of the Italian writer and publicist Italo Calvino (1923–1985), which is considered as a source of the history of ideas that prevailed in European culture after the end of World War II. The subject of the article is a set of ideas reflected in Calvino’s novel “The Nonexistent Knight” (1959). The author reconstructs the ideological context for the creation of this philosophical tale, examines the context of philosophical thought, the controversy around existentialism and its role in postwar intellectual culture. As a result, the author reveals the nature of the influence of Marxist and existentialist thought, and also shows the complex of philosophical, humanistic and anti-fascist ideas embedded in the novel. The features of the humanism inherent in Calvino as a representative of the “war-born generation” are clarified.

Keywords: history of intellectual culture, Italy, Italo Calvino, literature, humanism, Marxism, existentialism, fascism, medievalism

For citation: Zaitsev, A.A. (2022) “The Nonexistent Knight” by Italo Calvino and the Postwar European Humanism. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 145–151. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.24 (In Russian).

Художественная литература является, пожалуй, одним из наиболее интересных предметов в исследовании интеллектуальной культуры. Литература явно или подспудно отражает «доминирующие идеи, ведущие тенденции в развитии культуры» (Репина, 2008: 10), поэтому её изучение позволяет раскрыть качественное своеобразие «исторической эпохи» (Репина, 2008: 11). Можно утверждать, что для европейской культуры после завершения Второй мировой войны в целом характерна актуализация вопросов, связанных с гуманистической проблематикой. В рамках послевоенного гуманизма заново ставятся вопросы о природе человека и его роли в обществе. Особо остро эти темы звучат в литературе, созданной поколением, сформировавшимся во время войны.

Одним из знаковых литераторов «военного поколения», безусловно, является Итало Кальвино (1923–1985) – итальянский писатель, творчество которого охватывает целую эпоху и неиз-

бежно «отражает время» (Хлодовский, 1984: 5). Тексты Кальвино являются содержательным источником не только для исследования собственно литературного процесса, но и интеллектуальной культуры своего времени.

В крайне разнообразном наследии Кальвино – рассказах, повестях, романах, очерках и эссе, письмах – находит отражение сложный путь творческой эволюции писателя. Кальвино начинает писать в духе реализма, воспроизводя впечатления и опыт военной поры, и история из жизни антифашистского партизанского отряда – роман «Тропа паучьих гнёзд» (1947) – становится его первым значимым литературным опытом. Как отмечает советский исследователь Р.И. Хлодовский, «писатели-неореалисты бесстрашно поэтизировали “прозу жизни” именно потому, что верили в возможность эстетического преодоления быта и выхода к стоящей за ним глубоко человеческой жизненной правде» (Хлодовский, 1984: 6). Однако Кальвино зачастую рассматривается именно как классик постмодернизма, и особое внимание уделяется его эволюции от реализма через сказку к литературной игре. Например, уже следующее этапное произведение Кальвино – трилогия «Наши предки» (1960) – Б. Вайс характеризует, в первую очередь, как отклонение от реализма в сказочную область в духе Ариосто (Weiss, 1993: 39). Т.А. Быстрова отмечает, что литература 1960-х гг., которую создаёт Кальвино, выступает как игрушечный мир, который существует только в самом себе (Быстрова, 2017: 277). О.Ю. Панова в статье о постмодернистской литературе упоминает Кальвино в одном ряду с Ф. Соллерсом и М. Павичем, называя их «писателями для критиков» (Панова, 2004: 138). Вообще, если предельно упростить картину эволюции стиля и метода Кальвино, то получится следующее: 1940-е гг. – реализм, 1950-е гг. – сказка, 1960-е гг. и далее – постмодернизм.

Между тем Хлодовский даёт достаточно тонкий анализ творчества Кальвино в контексте времени, утверждая, между прочим, что как таковая «сказочность <...> отнюдь не противоречила поэтике неореализма» (Хлодовский, 1984: 9). Важно при этом учесть, что И. Сикари, исследуя особенности восприятия творчества Кальвино в советской традиции, рассуждает об особенностях «приручения» (domestication) Кальвино советской марксистской критикой. Так, Кальвино в его неореалистический и сказочный период изображается советской критикой «антифашистским и прогрессивным писателем, который боролся за демократию в защиту коммунистических идеалов» (Sicari, 2016: 47). При этом семиотическая и структуралистская основа поздних работ Кальвино советской критикой игнорировались (Sicari, 2016: 56). И если со вторым положением можно согласиться, то так ли ошибалась критика, говоря о Кальвино как о писателе-антифашисте?

В данном исследовании рассматриваются некоторые идейные аспекты знакового романа Кальвино «Несуществующий рыцарь» (1959), чтобы дополнить существующие в историографии оценки содержания и значения данного произведения и творчества Кальвино в целом, а вместе с тем актуализировать проблему взаимосвязи литературного процесса и идеологических перипетий послевоенной эпохи. Роман рассматривается не с литературоведческой или чисто философской стороны, а как факт интеллектуальной истории.

«Несуществующий рыцарь» закрывает собой ряд текстов в жанре философской сказки, создававшихся Кальвино на протяжении 1950-х гг. и образующих трилогию «Наши предки», изданную как сборник (1960). В произведениях трилогии находят отражение важнейшие темы интеллектуальной жизни своего времени, поиск «корней» при этом приобретает ироничный, весёлый, жизнеутверждающий тон. Медиевализм – актуализация средневекового наследия – вполне естественно становится для Кальвино в этот период оптимальной формой литературного творчества и философского размышления. Роман «Несуществующий рыцарь» выполнен в форме пародии на рыцарский роман и несёт явные признаки литературной игры. В центре повествования находятся несколько персонажей, и в особенности – Агилульф, рыцарь без тела: «Агилульф <...> поднял забрало. Шлем был пуст. Внутри светлых лат с переливающимся султаном никого не было» (Кальвино, 1984: 133). Агилульф – это, буквально, чистая воля и разум, заключённые в доспехи. Вокруг особенностей персонажа строится значительная часть фабулы произведения. То же касается и других действующих лиц – Рамбальда, Турризмунда, Брадаманты и других, но особенно – Гурдулу, человека, практически лишённого ясной воли и самосознания. Кальвино рассуждает о человеке, используя для этого абстракции в виде двух крайностей – Агилульфа (разум без тела) и Гурдулу (тело без разума). Остальные персонажи находятся как бы посередине.

В литературе существуют различные интерпретации идейной составляющей романа. Например, Д. Скарпа осуществляет «персоналистическую» интерпретацию текста, утверждая, что персонажи романа – это ничто иное, как множество частичек самого автора, их приключения – приключения многих Италы Кальвино, которые непрестанно ищут себя, а все женские персонажи – по сути, различные аспекты женщины как таковой, женщины, к которой Кальвино стремится (Scarpa, 1999: 79). Такая интерпретация, несомненно, интересна, однако явно недостаточна.

Кальвино философствует в экзистенциалистском ключе, поэтому при рассмотрении идейной составляющей романа важным оказывается не только понятие «гуманизм», необходимо поместить текст Кальвино в контекст развития экзистенциалистской мысли его времени.

Марксист А. Грамши в «Тюремных тетрадах», ссылаясь на Б. Кроче, говорит о том, что большинство людей, по сути, являются философами, поскольку они совершают некие практические дела, «а в этих их практических делах (в направляющих линиях их поведения) уже заключено определенное мировоззрение, определенная философия» (Грамши, 1959: 35). Таким практическим делом для Кальвино является литература, а важной составляющей его мировоззрения – экзистенциализм, в силу различных причин невероятно влиятельный в тот период. Полемика вокруг философии экзистенциализма представляет особый интерес в контексте темы.

Ж.-П. Сартр в статье «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946) старается отбить нападки критиков «слева» на экзистенциализм как на философию упадка, отчаяния и негатива. Он постулирует деятельную, реалистическую, оптимистическую концепцию человека, утверждая даже, что его сторонников упрекают, по существу, не за пессимизм, а за упрямый оптимизм (Сартр, 1990: 334). Но аргументы Сартра не убеждают Г. Лукача, который в своей статье, посвящённой критике экзистенциализма (1948), констатирует, что последний «наводнил целиком сферу западной культуры» (Лукач, 2005(а): 23). Особенно Лукач ополчается против философии самого Сартра, одного из наиболее влиятельных мыслителей данного направления. В статье «Кризис буржуазной философии» (1951) Лукач отмечает, что «нет», которое говорит фашизму сартровский экзистенциализм, совершенно абстрактно, и что «подавляющее большинство антифашистских мыслителей исходит в своём мировоззрении и методе из той же позиции, из которой исходил и противник (т. е. фашизм – А.З.)» (Лукач, 2005(б): 188). Проблема, по Лукачу, заключается не только в том, что экзистенциализм являет собой разновидность идеализма, но и в том, что философы «так или иначе исключают из анализа все общественные элементы, тем самым противопоставляя изолированное индивидуальное сознание мнимому хаосу вещей (и людей)» (Лукач, 2005(а): 29). Экзистенциализм, в частности сартровский, в интерпретации Лукача – это всё ещё философия отчаяния, смерти и абстрактной свободы.

Ещё более жёсткую отповедь экзистенциализму даёт Б.Э. Быховский: распространение этой философии и до, и после войны подобно эпидемии, это философия потрясённого, выбитого из колеи, смятённого обывателя, которая ведёт борьбу против научного миропонимания как такового (Быховский, 1957: 33). Быховский критикует в первую очередь Сартра.

Здесь вполне уместно провести параллель с концепцией их современника, итальянского философа Н. Аббаньяно, сторонника так называемого «позитивного экзистенциализма». В статье «Экзистенциализм в Италии» (1958) Аббаньяно также утверждает, что экзистенциализму свойственно делать упор на негативные аспекты человеческого опыта (Аббаньяно, 1998: 59). Однако программа позитивного экзистенциализма в целом направлена на преодоление этого свойства.

Теперь необходимо соотнести идейное наполнение романа «Несуществующий рыцарь» с обозначенными выше моментами философской полемики, выделив наиболее существенные вопросы. Как уже было сказано выше, текст Кальвино наполнен иронией и, кроме того, гротеском и юмором. Поэтому поднимаемые автором актуальные проблемы зачастую приобретают откровенно комическую форму.

Фигура главного героя – Агилульфа – являет собой иллюстрацию философии воли, волюнтаризма, который подразумевает примат воли (человеческой и божественной) в развитии природы и общества: на удивлённый вопрос Карла Великого о том, как же ему удаётся служить, Агилульф отвечает, что служит «силой воли и верой в святость нашего дела» (Кальвино, 1984: 133).

Затем Кальвино ставит вопрос о значении телесного в человеке. Что есть человек без тела? Агилульфу, не имеющему тела, не нужно спать и есть. Однако другие люди обладают телами: «...заснувший лагерь был царством тел, лежбищем плоти ветхого Адама, источавшей запах выпитого вина и пролитого за день пота. <...> Агилульф проходил мимо, внимательный, напряженный, надменный; тела – у тех, кто имел их, – вот что вызывало у него неприятное чувство, похожее на зависть, и вместе с тем заставляло сердце сжиматься от гордости и пренебрежительного превосходства» (Кальвино, 1984: 135). В критике Быховского для экзистенциалистов к внешнему миру относятся и другие люди, и даже собственное тело, как ограничение, сопротивление существованию, поэтому, как считает Быховский, экзистенциализм есть полная противоположность антропологизму (Быховский, 1957: 37). Но, согласно Кальвино, бестелесный – значит несуществующий. Отталкиваясь от этой крайности, Кальвино изображает остальных персонажей, – например, Рамбальда – людьми из плоти и крови, мыслящими и чувствующими. Затем, по Быховскому, различие между экзистенциалистом и бароном Мюнхгаузеном, который сам себя вытаскивает из воды за волосы, в том, что у экзистенциалиста нет даже волос, за которые он может себя вытащить (Быховский, 1957: 37). Кальвино описывает крайность – человека не только

без волос, но и без тела вообще, и далее развивает мысль в духе позитивного экзистенциализма. Кальвино реабилитирует телесность.

При описании Агилульфа Кальвино отталкивается от своего понимания современного человека, человека искусственного: тот не существует, поскольку ни с чем не соприкасается и не вступает в отношения (и в борьбу, а через борьбу в гармонию) с тем (природой или историей), что его окружает; он лишь абстрактно функционирует (Кальвино, 2000: 453–454). Кальвино здесь практически цитирует Аббаньяно, который говорит о реакции экзистенциализма на романтизм, то есть, по сути, на идеализм Б. Кроче и Дж. Джентиле: признавая конечную реальность человека, эта реакция рассматривала человека как подчинённого перипетиям природы и истории (Аббаньяно, 1998: 64). Там же Аббаньяно отмечает, что, в отличие от других направлений экзистенциализма, именно итальянский экзистенциализм обратил внимание на источники, из которых человек черпает свои позитивные ожидания – природу и общество (Аббаньяно, 1998: 63–64). Однако здесь Аббаньяно практически повторяет Грамши, для которого «человечество, отражающееся в каждом индивидууме, состоит из трех элементов: 1) сам индивидуум; 2) остальные люди; 3) природа» (Грамши, 1959: 44). Получается, что экзистенциалисты в лице Аббаньяно, а за ними и Кальвино, возвращают в поле зрения философии и «остальных людей», и природу. То есть текст Кальвино в его философской части посвящен, в том числе, и этому возвращению (приближению) к философской программе Грамши.

Безусловно, Кальвино интересуется проблема отчуждения. Автор романа описывает множество ситуаций, в которых несуществующий рыцарь никак не связан с другими людьми и окружающей действительностью подлинными, глубокими отношениями. Агилульф как бы лишний, неуместный, и оттого – самый несчастный из всех (Кальвино, 1984: 176). Даже беспредметная ярость, которая копится внутри рыцаря, прорвавшись, угасает, поскольку ни на что (и даже никем) не направляется (Кальвино, 1984: 137). В то же время другие персонажи – Рамбальд и Брадаманта, Турризмунд и Софрония – действуют, движимые любовью, и не знают отчуждения, знакомого Агилульфу.

Крайне важным для понимания идейной составляющей романа является сюжет с рыцарями Грааля и жителями Курвальдии, которые в один момент восстают против своих господ. В гротескной форме Кальвино иллюстрирует теорию классово-борьбы и значение классового самосознания. Сразу после победы над жестокими рыцарями жители Курвальдии говорят: «И мы ничего не знали, не знали даже, что мы люди, до этого сражения... А теперь нам кажется, что мы можем... хотим... должны делать все... Даже если... такой ценой» (Кальвино, 1984: 200). После, уже наладив жизнь без господ, в разговоре с Турризмундом, который помог им в сражении, они даже заявляют: «Мы тоже не ведали, что мы есть на свете. Существовать тоже нужно учиться» (Кальвино, 1984: 207). Здесь Кальвино говорит о возникновении через деятельность, в процессе сопротивления угнетению, коллективного субъекта, то есть «класса для себя».

Ещё один аспект, который необходимо затронуть, это аспект времени, соотношение прошлого и будущего. Кальвино достаточно сложным образом выстраивает время повествования. Роман начинается с некоего описания, затем оказывается, что текст, который читает читатель, пишется рукой монахини, и это своего рода воспоминания. В самом конце повествование переносится в настоящий момент: монахиня, она же воительница-Брадаманта, слышит, как к ней спешит Рамбальд, сбрасывает сутану, облачается в панцирь и отправляется в неизвестное будущее (Кальвино, 1984: 208–209). Текст как будто переходит в жизнь. Когда Грамши задает вопрос о том, что такое человек, он говорит, что человек – это, в первую очередь, то, чем он может стать (Грамши, 1959: 42). Когда же Аббаньяно рассуждает об экзистенциалистском анализе и содержании понятия «экзистенция», он утверждает, что главным временным измерением экзистенции, то есть способа существования в ситуации, возможного существования, является будущее, при этом будущее, очерченное прошлым (Аббаньяно, 1998: 62). Таким образом, Кальвино совершенно очевидно осуществляет философское высказывание. Написание текста романа рассказчицей-Брадамантой становится для неё своего рода экзистенциальной ситуацией, а вместе с тем и читатель переживает собственную экзистенциальную ситуацию, оказываясь, следя за развитием сюжета, в настоящем моменте.

Таковы идейные аспекты романа «Несуществующий рыцарь», наиболее важные в рамках темы данного исследования. В форме философской сказки Кальвино очевидным образом транслирует некоторое мировоззрение. Однако, как утверждает Э. Гарин, «нельзя по-настоящему понять ни одного писателя, не перенося его в его борьбу» (Гарин, 1965: 190), то есть всегда важно понять, кто является «противником», с кем идёт явный или неявный спор. Подобным образом и Грамши утверждает, что человек не может быть в полной мере философом, если он, помимо прочего, не осознаёт, что его мировоззрение находится в противоречии с другими мировоззре-

ниями или элементами других мировоззрений (Грамши, 1959: 13). Кальвино, конечно, и не претендует на то, чтобы быть философом в полной мере, но философский, а значит, и полемический элемент в его текстах очевиден. С чем же спорит Кальвино, на что направлена его ирония?

Если рассмотреть различные общие характеристики идеологии итальянского фашизма, то при значительной разности исследовательских подходов они будут содержать много общего. Например, С.М. Слободской непосредственно после войны так определяет основу фашизма: это культ насилия, преклонение перед грубой силой и презрение к массам, маскирующее страх перед ними (Слободской, 1946: 78). Фашизм принципиально выступает против равенства людей: вершат историю не массы, а солдаты, массы же, питаемые «низменным» материальным интересом и неспособные подняться до понимания «высоких» целей, способны к полезной для «нации» деятельности, только если их держать твёрдо в руках, как укрощённого зверя (Слободской, 1946: 81–82). В свою очередь, современный историк Э. Джентиле перечисляет некоторые характерные черты фашистской идеологии. Джентиле также подчёркивает значение для фашизма тотальной милитаризации: индивидуальная и коллективная жизнь граждан должна быть организована на военный лад (Джентиле, 2022: 434). Из описания «нового итальянца», порядочного, деятельного и бескорыстного (Джентиле, 2022: 456–457), можно сделать вывод о том, что сам человек рассматривается идеологами фашизма как функция, инструмент, например, укрепления власти. Джентиле также говорит об элитаризме и повиновении масс, при этом в политике как таковой «преобладает сила, воля к власти и согласие, рождающееся из веры в тот или иной миф» (Джентиле, 2022: 484–485).

В целом, продолжая тенденции позитивного экзистенциализма, Кальвино критикует философский идеализм. Эта критика затрагивает не только идеалистов вроде Б. Кроче, но и таких, как Дж. Джентиле, тем более что, как пишет Аббаньяно, даже их полемика на почве различного отношения к фашизму происходила в одном поле идеализма и не породила новой «закваски» для развития философии (Аббаньяно, 1998: 64). Человек, рассматриваемый Кальвино как концентрированная воля, как исключительно духовное существо, то есть Агилульф, в итоге оказывается несостоятельным. Рыцари Грааля, преданные высшей идее, или своего рода мифу, буквально растворившиеся в нём, изображены в откровенно карикатурном виде – саркастически высмеивается не только фанатизм, но и крайний элитаризм Ордена.

Кальвино выступает против культа государства и последовательно десакрализирует власть, например в лице её носителя. Карл Великий, могучий император, чьё имя овеяно легендами, вокруг которого выстроена огромная система власти, постоянно изображается в ироничном ключе, как обыкновенный человек со своими мелкими слабостями: «Вопреки всем правилам императорского этикета Карл Великий садился за стол раньше времени <...> Усевшись, он начинает отщипывать кусочки хлеба или сыра, брать то оливку, то стручок перца <...> Мало того, еду он хватать руками. Да, нередко самодержавная власть заставляет даже самых терпимых монархов забыть всякую узду и порождает произвол» (Кальвино, 1984: 170).

Кальвино критикует иерархию как таковую. Его идеал политического устройства проглядывает в описании Курвальдии, освободившейся от власти Ордена. Этот идеал носит определённо демократический и эгалитарный характер. Когда Турризмунд объявляет, что он теперь граф Курвальдии по приказу императора, граждане мягко, но настойчиво отклоняют его претензию и предлагают жить с ними, но только на равных (Кальвино, 1984: 207).

Что касается антимилитаристской направленности мысли Кальвино, то она вполне очевидна. Особенно комично изображается функционирование государственной машины на войне. Как уже было отмечено, Кальвино в образе Агилульфа выводит современного человека, иначе – «луковицу без ядра», иллюстрируя трагикомический тупик бегства к «внутреннему», о котором говорит Лукач (Лукач, 2005(а): 32). Агилульф же без «луковицы» в виде доспехов, то есть вне своей военной функции, практически ничто.

В итоге проведённого исследования можно сделать следующее заключение.

В статье раскрыты далеко не все идейные аспекты, которыми насыщен текст рыцарского романа Кальвино. Однако и на основании представленного материала можно утверждать, что отход от неореализма и сказочная форма, к которой прибегает Кальвино, в данном случае вовсе не означают отхода от животрепещущих проблем современности. Кальвино выражает целый комплекс идей, в том числе гуманистических, демократических и антифашистских.

При этом экзистенциализм самого Кальвино несёт отпечаток философии, характерной для итальянской традиции, так называемого позитивного экзистенциализма.

Гуманизм Кальвино не совсем «старый», традиционный, несущий противоречия ещё со времён эпохи Возрождения, как об этом пишет Хлодовский (Хлодовский, 1984: 16). Это гуманизм вполне новый, вырастающий из гуманистической установки марксизма Грамши и экзистенциализма

лизм Аббаньяно, из антифашизма и выстраданной убежденности в ценности мира и демократии. Несомненно, он точно так же содержит в себе противоречия и не даёт окончательного ответа на ключевые вопросы современности. Тем не менее такой гуманизм, как стержневая часть определённой интеллектуальной культуры, мог возникнуть и расцвести именно тогда, в атмосфере возрождения послевоенной Европы, в обстановке поисков, разочарований и борьбы, иначе говоря – самой жизни послевоенной Италии.

Список источников:

- Аббаньяно Н. Экзистенциализм в Италии // Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб., 1998. С.56–76.
- Быстрова Т.А. Современная итальянская проза: от постмодернизма к «гипермодернизму» // Новый филологический вестник. 2017. №4 (43). С. 272–283.
- Быховский Б.Э. Основные течения современной идеалистической философии. М., 1957. 47 с.
- Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). М., 1965. 483 с.
- Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т.3. Тюремные тетради. М., 1959. 565 с.
- Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование. СПб., 2022. 560 с.
- Кальвино И. Несуществующий рыцарь // Кальвино И. Избранное. М., 1984. С. 128–209.
- Кальвино И. Послесловие 1960 г. // Кальвино И. Собрание сочинений. Наши предки: Романы. СПб., 2000. С. 445–458.
- Лукач Г. (b) Кризис буржуазной философии // Философия и общество. 2005. №3. С. 161–188.
- Лукач Г. (a) Экзистенциализм // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 5. С. 23–48.
- Панова О.Ю. От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу // Современная Европа. 2004. №1(17). С. 130–140.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Вып. 22. 2008. С. 5–15.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 319–344.
- Слободской С.М. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946. 207 с.
- Хлодовский И.Р. Об Итало Кальвино, его предках, истории и о наших современниках // Кальвино И. Избранное. М., 1984. С. 5–17.
- Scarpa D. Italo Calvino. Milano, 1999. 294 p.
- Sicari I. (Re)Defining a Literary Genre: How Italo Calvino's Postmodern (Hyper)Novels became "Philosophical Allegories" in the USSR // *Ulbandus Review*. 2016. Vol. 17, pp. 42–61.
- Weiss B. Understanding Italo Calvino. Columbia, South Carolina, 1993. 244 p.

References:

- Abbagnano, N. (1998) *Ekzistencializm v Italii* [Existentialism in Italy]. In: Abbagnano N. *Struktura ekzistencii. Vvedenie v ekzistencializm. Pozitivnyj ekzistencializm* [Existence Structure. Introduction to Existentialism. Positive Existentialism]. Saint-Petersburg, pp. 56–76. (In Russian)
- Bykhovskiy, B.E. (1957) *Osnovnyye techeniya sovremennoy idealisticheskoy filosofii* [*The Main Currents of Modern Idealistic Philosophy*]. Moscow, 47 p. (In Russian)
- Bystrova, T.A. (2017) *Sovremennaya ital'yanskaya proza: ot postmodernizma k «gipermodernizmu»* [Modern Italian Prose: from Postmodernism to "Hypermodernism"]. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 4(43), pp. 272–283. (In Russian)
- Calvino, I. (1984) *The Nonexistent Knight*. In: Calvino, I. *Izbrannoye* [*Selected writings*]. Moscow, pp. 128–209. (In Russian)
- Calvino, I. (2000) *Poslesloviye 1960 g.* [Afterword 1960]. In: Calvino, I. *Sobraniye sochineniy. Nashi predki: Romany*. [*Collected works. Our Ancestors: Novels*]. Saint-Petersburg, pp. 445–458. (In Russian)
- Garin, E. (1965) *Khronika ital'yanskoy filosofii XX veka* [*Chronicle of Italian Philosophy of the XX Century*]. Moscow, 483 p. (In Russian)
- Gentile, E. (2022) *Fashizm. Istoriya i istolkovaniye* [*Fascism. History and Interpretation*]. Saint-Petersburg, 560 p. (In Russian)
- Gramsci, A. (1959) *Tyuremnyye tetradi* [The Prison Notebooks]. In: Gramsci, A. *Izbrannyye proizvedeniya* [*Selected works*]. Vol. 3. Moscow, 565 p. (In Russian)
- Khlodovskiy, I.R. (1984) *Ob Italo Kal'vino, ego predkakh, istorii i o nashikh sovremennikakh* [About Italo Calvino, His Ancestors, History and Our Contemporaries]. In: Calvino, I. *Izbrannoye* [*Selected writings*]. Moscow, pp. 5–17. (In Russian)
- Lukacs, G. (2005) (a) *Ekzistentsializm* [Existentialism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 7, (5), pp. 23–48. (In Russian)
- Lukacs, G. (2005) (b) *Krizis burzhuznoy filosofii* [The Crisis of Bourgeois Philosophy]. *Filosofiya i obshchestvo*. (3), pp. 161–188. (In Russian)
- Panova, O.Yu. (2004) *Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomu sintezu* [From Modernism to Postmodernism and Artistic Synthesis]. *Sovremennaya Evropa*. 1(17), pp. 130–140. (In Russian)
- Repina, L.P. (2008) *Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoy epokhi* [Intellectual culture as a marker of the historical era]. *Dialog so vremenem*. (22), pp. 5–15. (In Russian)
- Sartre, J.-P. (1990) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [*Existentialism is a Humanism*]. In: *Twilight of the Gods*. Moscow, pp. 319–344. (In Russian)
- Scarpa, D. (1999) *Italo Calvino*. Milano. 294 p.
- Sicari, I. (2016) (Re)Defining a Literary Genre: How Italo Calvino's Postmodern (Hyper)Novels became "Philosophical Allegories" in the USSR. *Ulbandus Review*. (17) pp. 42–61.
- Slobodskoy, S.M. (1946) *Ital'yanskiy fashizm i ego krakh* [*Italian Fascism and Its Collapse*]. Moscow, 207 p. (In Russian)
- Weiss, B. (1993) *Understanding Italo Calvino*. Columbia, South Carolina. 244 p.

Информация об авторе

А.А. Зайцев – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=803852.

Information about the author

A.A. Zaitsev – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of the Archeology and General History, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=803852.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.